

МЕТОДИКА АНАЛИЗА МИФОЦЕНТРИЧЕСКОГО ТЕКСТА КУЛЬТУРЫ

Е.В. Свечникова

кандидат культурологии,

старший преподаватель кафедры культурологии

*УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»
(Республика Беларусь, г. Минск)*

Исследование текста культуры, под которым понимается явление культуры, обладающее смысловой и ценностной наполненностью, выраженное в знаковой форме, подразумевает наличие соответствующего методологического инструментария. В исследовании текстов культуры, имеющих вербальную основу, плодотворным является сочетание методов, применяемых в филологии и других лингво- и текстоцентричных науках. В качестве примера нового текстоцентричного метода предлагается структурный *архетипический анализ текста культуры* (в качестве такового может выступать текст, ритуал, кинофильм и т. д.).

Генетически метод восходит к идеям Аристотеля и Г. Фрайтага, предложивших схему драматического произведения; к работам В. Проппа, занимавшегося структурным анализом фольклорного текста. Одной из основ метода стала архетипическая теория К.Г. Юнга и юнгианцев (Дж. Кэмпбелла, М.-Л. фон Франц и др.) и ее интерпретация в концепции С. Грофа.

В XX в. наука пришла к идее архетипической структуры текста. На наш взгляд, структура мифоцентрического текста связана с процессом индивидуации (самоактуализации личности) и является символическим отражением данного процесса.

В процессе трансперсонального анализа выделяют четыре группы образов, симптомов, переживаний, называемых «базовыми перинатальными матрицами» (БПМ) [1, с. 117–142]. Идеи основателя трансперсональной психологии С. Грофа базируются на фрейдистской концепции «травмы рождения». Гипотетически, эмоционально значимые воспоминания перинатального периода откладываются в бессознательном и впоследствии во многом определяют поведение и отношение человека к миру. Каждый паттерн переживаний (БПМ-1, БПМ-2, БПМ-3, БПМ-4) соответствует одной из стадий биологического рождения. Активизация матриц с помощью холотропного дыхания или медитативных практик приводит к переживанию смерти и нового рождения, при этом галлюцинации сопровождаются физическими симптомами (болью, удушьем, обонятельными и вкусовыми иллюзиями). По утверждению С. Грофа, человек, переживая, как наяву, воображаемые события и ощущая в итоге нечто вроде экстаза, единения с космосом, становится на новую ступень духовности, отождествляясь со всем живущим и с самой вселенной.

Концепция С. Грофа, нуждающаяся во взвешенном подходе и критическом анализе, имеет хороший эвристический потенциал в области

архетипологии. По сути (если пренебречь соматическими симптомами), С. Гроф выявил в галлюцинациях, делириуме и творчестве пациентов группы архетипических образов, объединенных характерной тематикой: комфорт/покой и дискомфорт/угроза, смерть и рождение. В зависимости от смысловой и эмоциональной доминанты каждой перинатальной матрицы, четыре группы БПМ можно свести к следующей метаструктуре: 1) *блаженство*; 2) *утрата блаженства*; 3) *страдания и/или борьба (смерть)*; 4) *воскресение / возрождение / обретение блаженства*. Данная структура – мы назвали ее «архетипической матрицей» – отражает движение от нормы и гармонии через утрату гармонии к обретению более совершенной гармонии. Архетипическая матрица (в абстрактной форме она выглядит следующим образом: «*состояние гармонии, равновесия, нормы – утрата гармонии, равновесия (нарушение нормы) – усиление дисгармонии – обретение гармонии (восстановление нормы)*») организует сюжет множества сказок, мифов и мифоцентричных произведений, что доказывает широкую распространенность архетипической матрицы в мировой культуре. Так, данная метаструктура выделена нами в европейских антиутопиях, в корпусе волшебных сказок, в мифах и сакральных текстах Востока и Мезоамерики, в драматических произведениях Китая (XIII–XIV в.) и Англии (XVI в.), в «греческом» романе II–VI вв., в византийском романе XII–XV вв., а также в схеме ритуалов инициации [4].

Процедура выявления четырех (или первых трех, в зависимости от завершенности сюжета) элементов архетипической матрицы в тексте связана с определением отрезков сюжета от одной базовой темы до другой. Каждый элемент архетипической матрицы относится, во-первых, к части повествования; во-вторых, к группе символов, тематически объединенных; в третьих, – к определенным характерным мотивам, идеям и особенностям хронотопа.

В мифоцентрическом тексте четко выделяется точка активизации сюжета: описание *нарушения нормы* (например, божественного миропорядка). Нарушение нормы означает, что в прошлом норма была. В отдельных сюжетах *первоначальная гармония* показывается – например, описывается идеальное царство, или красивый («райский») сад, либо с помощью цифровой символики указывается на гармонию и целостность («У царя Агенора было три сына и божественно прекрасная дочь...» – 3+1, символика целостности, совершенства). *Утрата гармонии* маркируется соответствующими символами и мотивами. Например, обнаруживается нехватка чего-то важного: социальной справедливости, здоровья, любви, веры; подчеркивается нарушение порядка (молодое выглядит, как старое, единственная дочь похищена, экологическую нишу людей занимают грызуны, роботы и т.д.). Символика указывает на нарушение миропорядка: время свилось в кольцо, храм пришел в запустение, и т.п. Следующим пунктом становится *усиление дисгармонии*: главный герой ввязывается в борьбу, войну, и т.п., его преследуют, или же он сталкивается с трудностями, испытаниями, страдает. Третьим пунктом структуры становится *максимум*

дисгармонии (борьба смертельно опасна, преследователи вот-вот убьют героя и т.п.), герой погибает (гибель случается не во всех сюжетах). Четвертый пункт связан с *восстановлением нормы*: воцарением справедливого царя, установлением мира, избавлением от опасности, возрождением героя или страны в целом, браком героя и героини, оживанием природы.

Архетипическая матрица, присутствующая в нарративе, четко указывает на то, что это повествование мифологично (это либо сказка, либо миф, либо ритуал, основанный на мифе и т.д.).

Рассмотрим примеры архетипического анализа конкретных текстов: мифа, легенды. В силу ограниченного объема доклада, мы опускаем необходимый анализ отдельных фраз и символики, необходимых для вычленения структурных частей схемы.

В древнеегипетском повествовании о тяжбе богов Сета и Гора рассказывается о том, что Сет, убийца Осириса, претендовал на его трон [2, с. 95–102]. Налицо *ситуация «нарушения нормы»*: неправый торжествует (Сет – воплощение зла), Гору никак не удается отомстить за смерть отца (Осириса). Затем *дисгармония усиливается*: на суде властитель мира бог Ра поддерживает Сета; мать Гора Исиду, осмелившуюся выступить против Сета на судилище, изгоняют, и Гор остается без защиты; Гор должен совершить невозможное: победить Сета в состязании в плавании на каменных ладьях. *Максимум дисгармонии*: Сет принимает облик гиппопотама и нападает на Гора (герою грозит смертельная опасность). Гор выигрывает состязание и становится царем Египта. Таким образом, *гармония восстанавливается*: справедливость восторжествовала, сын занял трон своего отца.

В средневековой Европе особую популярность имели агиографические сказания. В одном из таких сказаний середины XI в. описывалось чудо св. Бенедикта: крестьянин из деревни Шатильон, принадлежавшей аббатству св. Бенедикта, работал в праздничный день – день святого покровителя [3]. В экспозиции имеется *мотив «нарушения нормы», «нарушения запрета»*: крестьянин нарушает религиозную норму. Когда крестьянин вез сено на телеге, с неба низошел огонь и сжег телегу с сеном. Крестьянин лишился и волов. Наказание святотатца огнем – *максимум опасности и дисгармонии*. Затем крестьянин раскаивается, и обретает покровительство святого. *Норма восстановлена*.

Мифологическую структуру обнаруживают и верования (они могут быть не оформлены в связный нарратив, тем не менее, фабула повествования легко реконструируется). Данный тезис иллюстрируется древнейшим представлением о том, что душа человека может существовать отдельно от тела. Первый пункт архетипической матрицы – рождение человека, второй пункт – жизнь, наполненная тяготами, страданиями, проблемами, конфликтами и т.п., третий пункт – смерть человека. Четвертого пункта естественный ход вещей не предполагает. Однако в мифологической картине мира происходит катарсическое «преодоление» реальности: последним этапом жизни души становится посмертное существование.

Архетипическая матрица наличествует и в таких текстах культуры, как ритуалы. Ритуал инициации, оформляющий переход иницируемого в новый статус (например, переход обычного человека в шаманы, присоединение ребенка к обществу взрослых), содержит характерные элементы (этапы), соответствующие четырем пунктам архетипической матрицы. Например, процесс становления шамана начинается с зова духов, который будущий шаман слышит во сне: духи понуждают избранного принять призвание. Этот зов – *нарушение исходной статичности ситуации*. Избранник духов поначалу отказывается и заболевает так называемой «шаманской болезнью». Это – *ухудшение начальной ситуации, дисгармония*. Затем будущий шаман, находясь вдали от людей, голодая (иногда и замерзая), «общается с духами» и едва не погибает в процессе инициации. Это *третий элемент – смертельная опасность, максимум дисгармонии*. Далее происходит «возрождение» иницируемого в новом статусе шамана. *Элемент «обретение гармонии»*.

Ритуал инициации (перехода юношей в статус взрослых) так же строится по четырехчастной схеме с семантикой смерти и возрождения. Сначала детей уводят за пределы упорядоченного космоса общины, из женского мира матерей. Это соответствует *первому элементу архетипической матрицы*. Затем иницируемые проходят ряд испытаний: встречаются с «чудовищами» (изображаемые взрослыми демонами, огромный змей (в реальности – протяженное здание)), затем следуют истязания (или кровопролитный бой). *Усиление дисгармонии*. «Змей» проглатывает иницируемых подростков. Те «умирают» (подросткам эта «смерть» кажется реальной). *Это максимум дисгармонии*. Наконец происходит возрождение иницируемых, и обретение ими нового общественного статуса (это *момент обретения гармонии на более высоком уровне*).

Таким образом, архетипический анализ может применяться для культурологического, равно как и филологического, исследования текстов культуры, имеющих вербальную основу и обладающих образным рядом; анализ позволяет выявить не только структуру, но и глубинный смысл мифоцентрического текста.

---

1. Гроф, С. За пределами мозга : Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф ; пер. с англ. А. Адрианова, Л. Земской, Е. Смирновой; под общ. ред. А. Дегтярева. – М. : АСТ, 2002. – 504 с.

2. Древний Египет / И.В. Рак ; Месопотамия / А.И. Немировский, Л.С. Ильинская. – М. : Мир книги : Литература, 2011. – 432 с.

3. Поньон, Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году / Э. Поньон // Либрусек [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.rus.ec/b/209208/read> . – Дата доступа : 17.06.2012.

4. Свечнікава, А.У. Архетыпічная структура тэксту / А.У. Свечнікава // Весн. Беларус. дзярж. пед. ун-та. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2009. – № 4. – С. 97–102.